

ОСТРОВ МЕРЦАЮЩЕЙ НАДЕЖДЫ

Марк Максимович Поташник,
действительный член (академик) Российской академии образования, профессор, доктор педагогических наук, Москва, e-mail: mark.potashnik@mail.ru

*Свет и во тьме светит,
и тьма его не объяла.*
Евангелие от Иоанна 1:5

В статье представлен опыт Раифского (недалеко от Казани) специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа для учащихся с девиантным (общественно опасным) поведением. Здесь мальчики от 11 до 18 лет, направленные по решению суда за совершённые преступления на срок от нескольких месяцев до трёх лет. Эта воспитательная мера не считается для них судимостью, так как у подростков не достигнут возраст, при котором наступает уголовная ответственность. По окончании срока они могут служить в армии, поступать во все учебные заведения. Большинство школьных педагогов страны, как выяснилось, не знают о существовании этих учреждений, хотя имеют непосредственное отношение к появлению детей с девиантным поведением. Поэтому считаю полезным изучить этот материал всем, кто работает в школах всех видов и типов.

Гуманное учреждение со строгим режимом

В спецучреждении делается всё для того, чтобы воспитанники жили доброй, обеспеченной, духовной жизнью.

Но их недавнее прошлое нет-нет, но даёт о себе знать, и потому дисциплинарные нарушения воспитанников тоже часть жизни Раифы. Строгий режим выражается прежде всего в ограничении свободы.

В учреждении закрытого типа воспитанники не могут самостоятельно, свободно передвигаться. Ходят только строем и под присмотром взрослого. Должностные лица учреждения при необходимости имеют право на допрос ребёнка. Под запретом интернет, свободный просмотр телевизора, телефоны. Это хоть и обедняет жизнь ребят, но мера вынужденная и совершенно необходимая, чтобы спецучреждение не управлялось извне — уголовными авторитетами. Связь с родными только по заявлению через стационарный телефон, который прослушивается, и через письма, которые читаются (кроме писем с жалобами в прокуратуру). К воспитанникам, по Федеральному закону от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», при необходимости может применяться физическая сила. При перемещении в школе дети передаются по счёту учителю, у которого следующий урок. На перерыв в туалет и в столовую, на мероприятия — также строем. Режим дня расписан по минутам. Уклад жизни по армейскому образцу. Физзарядка, рапорты, строевая подготовка, командиры, форма, приветствия, построения, ежедневное поднятие и спуск флага, расчёт, ответы «так точно» и «никак нет». Это лучше, чем по понятиям, как когда-то и здесь было. Дети всегда должны быть заняты и находиться под наблюдением круглосуточно. Поэтому здесь практически нет каникул в привычном понимании. Ребята всё равно приходят в школу, учителя проводят уроки, только в более свободном от учебного плана варианте: организуется, например, просмотр фильма. Личные вещи запрещены. Учатся мальчики в две смены. Это сделано для того, чтобы старший отряд был отделён от младшего. Весь режим организован так, чтобы они не встретились в течение дня.

Есть в учреждении и особое режимное место — «вахта». Это изолированная комната. Слово «карцер» здесь не употребляют. Сюда ребята попадают за проступки (от одного дня до месяца): неподчинение, матерщина,

драки, нарушение режима. Самый тяжёлый — самовольный уход из училища. На «вахте» с мальчишками работают психологи, ребята выполняют общественно полезную работу под присмотром.

Иногда они сами просятся на «вахту»: если с кем-то поссорился, в нём всё кипит от несправедливости (по его мнению), если он устал от режима и, чтобы не бежать, хочет побыть один, подумать. У читателя не должно складываться впечатления, что работа по перевоспитанию в детских закрытых спецучреждениях безмятежна. В Раифе серьёзных происшествий действительно не было (представим, чего это стоит), но в ряде колоний России побегі осуждённых воспитанников, превышение сотрудниками полномочий, связанных с применением силы, нарушения 120-ФЗ происходят. Так, в одном из аналогичных учреждений, неподалёку от Раифского, пацаны устроили настоящий бунт: сначала учинили погром в училище, потом крепко избили часть персонала, далее (скажем деликатно) вышли за пределы учреждения, «погуляли» немного, нагнав жуть и страх на жителей окрестных сёл. Подавили бунт силами вызванного ОМОНа. Малейшая утрата бдительности, чрезмерное принуждение, педагогическая ошибка, бездушность могут обернуться массовым силовым протестом воспитанников. Необходимо помнить, какой жизненный опыт у них за плечами. И это не всё.

Один из воспитанников в том учреждении демонстративно совершил мерзкий вызывающий поступок (у меня нет приличных слов, чтобы описать его), решив этим показать, кто здесь авторитет. Заместитель директора по режиму, потеряв контроль над собой и, видимо, обессилев, сунул этого «авторитета» головой в унитаз. Пошли заявления воспитанников в прокуратуру. В итоге кадрового офицера МВД, всю жизнь прослужившего в полиции, отца двух детей посадили на три года за превышение полномочий, а инициатор конфликта, отсидев оставшиеся пару месяцев, вышел на свободу. Так что АУЕ («арестантское

уголовное единство» — аббревиатура и термин тюремных авторитетов) нередко оказывается вполне реальной силой и по ряду косвенных признаков управляется братками с воли. Исправительное учреждение, конечно, не тюрьма (согласно уставу), и подчиняется оно не тюремному ведомству ФСИН (федеральная служба исполнения наказаний), а федеральному Министерству образования (сейчас — просвещения).

Исковерканные судьбы (неслучайные случайности)

Этот рассказ о тех бывших школьниках, кого в личных разговорах некоторые учителя и руководители школ называют отбросами, мусором или по-современному — педагогическим спамом. Если попытаться обобщить причины, по которым парни попали в спецучреждения, то они одинаковы: пьющие или разведённые родители, неполные семьи, сироты, у которых конфликты в детдоме, и как следствие — проблемы с учёбой и поведением в школе. Это изгои, отверженные, презираемые, изгнанные — подростки, от которых школы на формально законных основаниях избавились, поскольку эти дети перестали ходить в школу (утратили статус ученика) и совершили преступление. Чаще всего это воровство продуктов (есть же хочется), кража денег, мобильных телефонов, вещей, угоны авто- и мото-транспорта, распространение наркотиков, жестокое обращение, токсикомания, алкоголизм. Некоторые имеют опыт нахождения в Центре временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей и в других училищах закрытого типа. Есть бродяжки, убегающие из дома из-за проблем с отчимом, мачехой или потому, что дома просто плохо (нечего есть, грязно, пьянки).

Есть дети (как минимум) с ЗПР, но поскольку документов нет, учатся на общих основаниях. Некоторые жили в землянках, садовых домиках, подвалах домов и на чердаках, промышляли случайными заработками и никогда не учились (не умеют ни говорить, ни читать, ни писать — этикие «маугли»). Все они повидали жизнь в её самом неприглядном виде (есть и изнасилованные), у многих речь заражена матом, и они с этим ничего не могут поделать, даже если искренне стараются.

Почти все обладают лидерскими качествами, в их характерах есть некий стержень и бесшабашная смелость (они ничего не боятся). Труднее всего с циниками, которым ничто не дорого (отсутствие ценностей), кроме потребительства.

Известно, что дети рождаются и не злыми, и не добрыми, а теми или другими их делают прижизненные обстоятельства. Некоторые считают, что морально дефективные дети бывают и от рождения. Правда, в спецучилище педагоги таких не встречали.

Я изучал документы, выслушивал экспертные мнения очень мудрых работников, беседовал с воспитанниками — всегда была одна и та же причина их попадания в закрытое спецучреждение: стечение неблагоприятных обстоятельств в их жизни.

Если же рассматривать историю детской жизни каждого, то никакого сердца не хватит всё это перенести и выжить. А они вот как-то перенесли, выжили.

Судьба первая. Сергей. Хорошо учился в школе. Прочтём, уважаемый читатель, стихотворение А.П. Тимофеевского:

*Я добегу туда в тревоге
И молча стану,
И мать в канаве у дороги
Увижу пьяной.
Её глаза увижу злые,
Лицо чужое,
И космы редкие, седые
Платком прикрою.
Услышу запах перегара
И алкоголя.
И помогу подняться старой —
Пойдём-ка, что ли...
И мать потащится за мною
Мостком дощатым,
Хрипя и брызгая слюною,
Ругаясь матом.
Мне трудно будет с нею пьяной,
Тупой и дикой,
И проходящие все станут
В нас пальцем тыкать.*

*А мне, мальчишке, словно камень,
Позор сыновний,
Как будто в этом страшном сраме
Я сам виновен,
Как будто по уши измаран
В чужой блевоте.
Измаран, что ж... Ещё мне мало,
Я плоть от плоти!
И удержать рыданья силясь,
Я тихо плачу.
О, пусть скорей глаза мне выест
Мой стыд ребячий.
И я тяну её упрямо,
От слёз слабя,
Хочу ей крикнуть: — Опомнись, мама!
Да не умею.*

Уверен, Ваше сердце содрогнулось от описанной драмы. Это же было в жизни Сергея, только ещё трагичнее. Мать в пьяном угаре совершила особо тяжкое преступление — убила человека. Получила 24 года колонии строгого режима. Парня определили в детский дом, а учиться он продолжал в той же школе, так как она была рядом. После приговора матери к нему резко изменилось отношение сверстников и учителей: к нему стали неприязненно относиться («сын убийцы»), учителя откровенно занижали ему оценки. Когда он показал одной учительнице контрольную работу с отметкой «три» и работу одноклассника с той же ошибкой, но с оценкой «четыре», учитель в гневе крикнула при всех: «Да кто ты такой, чтобы у меня отчёт требовать? Это тебе за мать твою, убившую человека».

Этого Серёжа вынести не мог и перестал ходить в школу. Обида отравляла душу, и он не знал, что делать. Стал бродяжничать. Очень хотелось есть, и он совершил преступление — украл в магазине батон колбасы. Под камерой. Отпираться было бесполезно. Колбаса оказалась очень дорогой, прокурор жестоким, адвокат (выделенный государством) безразличным, а судья — формальным.

Директор школы на суд не пришла. Она имела почётное звание, была депутатом

и могла бы взять его на поруки ещё до суда, но не сделала этого. На суд вместо себя послала социального педагога, которая с Сергеем даже ни разу не разговаривала. Как это ни покажется странным, она на суде, не поперхнувшись, заявила: «Мнение школы: раз украл — пусть отвечает по закону!» Так он оказался в спецучреждении.

На тумбочке возле кровати стоит фотография его осуждённой мамы и молитвенник. Состоялся такой наш диалог:

— Ты пишешь маме?
— Конечно, уже четыре письма.
— А она тебе пишет?
— Пока нет. Не отвечает.
— Так какой смысл?
— А вдруг она исправится, — с надеждой сказал Сергей.
— А если ответов не будет?
— Через двадцать лет она выйдет, ей будет уже 60. Кто будет её опорой в жизни, у неё ведь, кроме меня, никого нет. Ей и жить будет негде, кроме как со мной.

(Вы когда-нибудь встречали у ребёнка такое благородство, уважаемый читатель?)

Судьба вторая. Александр. Отца не было. Мать вышла замуж, родила ребёнка, но отношения с отчимом у парня не сложились. Будучи в подпитии, отчим стал приставать к нему, пытался изнасиловать. Саша смог вырваться, рассказал приятелю, тот — классному руководителю, та — участковому, возбудили уголовное дело. Отчим нанял дорогого адвоката, в задачу которого входило развалить дело.

«Он (адвокат), — рассказал Саша, — провокационные вопросы задавал, на которые мне стыдно было отвечать при всех. Потом запутывал меня и в конце концов представил всё так, что я это придумал из неприязни к отчиму, то есть оклеветал его. Отчима оправдали за недоказанностью. Мне было обидно от этой несправедливости. А ещё оттого, что мать

на суде промолчала, даже не пыталась меня защитить. Чтобы отомстить отчиму, я вскрыл гараж, завёл его машину и, разогнав, направил её в бетонную стену. Машина в хлам, а меня за угон и порчу имущества на три года в спецучилище».

Саша рассказал, что сначала он жил желанием, когда выйдет из спецучреждения, убить отчима. Потом священник и воспитатели объясняли ему, что месть всегда безнравственна и преступна, а праведное возмездие творится не руками человека, а Божьей волей, что в его ситуации есть только один разумный путь — простить всем: и отчиму, и матери, и учителям, и одноклассникам.

«А где и с кем мне жить, когда я выйду отсюда? С матерью, которая меня предала, или с отчимом, который...?» Что ему ответить?

Судьба третья. Алексей попал за то, что ударил и оскорбил полицейского. Когда мать стала пить, отец лишил её родительских прав. Вскоре появилась мачеха, с которой отношения не сложились. Подросток ушёл из дома, перестал учиться. Вступил в отношения с девушкой старше себя. У них родился ребёнок. Отец и бабушка были категорически против их отношений. Есть предположение, что юношу правдами и неправдами определили в училище, чтобы положить конец этим отношениям. Но парень говорит, что любит и ребёнка, и мать и хочет продолжить создание семьи, хочет получить профессию в сфере МЧС, записался сдавать ЕГЭ. Учителя готовили его индивидуально. Сейчас он сдаёт экзамены. Нужно думать, как ему помочь организовать будущую жизнь.

Судьба четвёртая. Арсен. Отец — высокопоставленный чиновник. Дома достаток. Сорвался из-за развода отца с матерью. Отец завёл другую семью. Сын стал жестоко обращаться с матерью, шантажировать её, убежать из дома, обвинял её в развале семьи. Попасть в спецучреждение для девиантных «помогли» сами родители (вспомните, кто отец) и учителя (хотя он хорошо учился), что было для него серьёзным потрясением. Когда узнал о предательстве родителей и школы, пытался свести счёты с жизнью. Но постепенно дух, атмосфера Раифы его излечили. Сейчас это активный

помощник педагогов, воспрянул, увлечённо учится, пишет стихи. Осознал свою неправоту в отношении матери, очень переживает. Все стихи посвящает ей.

Судьба пятая. Илья. Сирота. В детском доме вёл себя так, что педагоги ему во время очередного конфликта крикнули: «У тебя одна дорога — в тюрьму!» А он кричал им: «Нет, нет!!», материл их, плакал от обиды, от того, что его никто не может понять. И он дал слово себе, что во что бы то ни стало опровергнет их прогноз. После училища связал жизнь со спортом, открыл частные спортзалы, работает тренером. Залез в долги, купил белый мерседес, набил его дорогими игрушками и в белом костюме приехал в детский дом к педагогам, которые пророчили ему злую судьбу.

И у каждого воспитанника специального образовательного учреждения своя драматическая судьба, несчастливо сложившаяся детская жизнь, своё горе.

Мощь доброй силы: факторы, определяющие успех перевоспитания

Факторов, конечно, много. Рассмотрим лишь главные.

Фактор первый. Это, прежде всего, сформированная у всех работников Раифы твёрдая вера в возможность перевоспитания каждого ребёнка, о чём мы так или иначе пишем в каждом разделе статьи.

Фактор второй. Служба режима. Руководитель Евгений Сергеевич Киселёв — второе (после директора) лицо в учреждении. Высокий, седой, с благородной внешностью в светлом костюме. Пообщавшись с ним, понимаешь, что душа его страдает. Он всё время подчёркивал, что он не педагог и, когда рассказывал о своей работе, его глаза влажнели, а то и наливались слезами

из-за судьбы каждого воспитанника.
Несколько его фраз:

— Задача службы режима — это профилактика самовольных уходов, обеспечение безопасности воспитанников в учреждении и на выездах, контроль входа и выхода из училища. А в целом — подготовка детей к нормальному возвращению в социум;

— Чтобы выполнить поставленную задачу, все сотрудники должны максимально вникнуть в историю жизни каждого прибывающего к нам мальчишки, спрогнозировать его будущее поведение, понять, чего от него ожидать. Это возможно, только пропустив его судьбу через себя, через сердце;

— Трудность работников службы режима в том, что приходится совмещать несовместимое: чтобы перевоспитать оступившегося, ему нужно доверять, отпускать на свободу, дать попробовать жить нормальной жизнью, за которую он сам отвечает; с другой стороны, в этом огромный риск, и его срывы неизбежны, поскольку его прошлое сразу никуда не исчезнет и долго может давать о себе знать. Наказываешь, а душа за него болит, ведь они уже наказаны прежней жизнью;

— Определяющее влияние на подростка оказывает личность сотрудника службы режима. Пацаны кожей чувствуют фальшь, заигрывание, их на этом не проведёшь. Нужен только честный мужской разговор и сила личности. На долю службы режима приходится чёрная работа: разбор конфликтов, наложение наказания за нарушение режима. Для души это очень тяжело;

— Очень сложная проблема — недопущение подавления одних детей другими.

Тут необходим наш комментарий. Служба режима оказалась в Раифе уникальной. Судя по высказываниям её руководителя (**не педагога!**), служба взяла на себя очень даже педагогические функции: то, что говорит и делает этот руководитель, — задача каждого

педагога. Ведь формально (то есть по инструкциям, уставу) режимники не должны заниматься педагогическим осмыслением работы. В их задачи входит выполнение требований, инструкций: устранение мобильных телефонов, пресечение неуставных отношений, слежение, запреты, наказания, сопровождение, шмоны.

А тут: изучение ребёнка, прогноз его поведения, анализ, осознанный педагогический риск, влияние своей личностью. Да директор любой обычной школы (ученики которой не совершали преступлений) мечтает, чтобы их учителя-воспитатели так относились к детям, как работники службы режима в Раифе.

Фактор третий. Грамотная в научном и методическом аспектах общеобразовательная школа. См. следующий раздел «Школа: постоянный поиск мотивов и стимулов для глубоко демотивированных учеников».

Фактор четвёртый. Вся внеурочная воспитательная работа (руководитель Л.И. Стрелкова) и дополнительное образование (кружки, спортивные секции, творческие объединения, театр, студии), где мальчишки читают стихи, поют, танцуют, сочиняют, рисуют, то есть всё, как в хорошей школе. Это приоритет, и он оправдан. У кого нет нарушений, то, несмотря на закрытость, ребята много выезжают за пределы учреждения на спортивные соревнования для участия и просмотра, на спортивные мастер-классы, в аквапарк, музеи, театры, выставки (Казань), экскурсии. Особенность — постоянный поиск форм работы, повышающих мотивацию. Мальчишки охотно соревнуются между собой. Это используется, и организуются интеллектуальные акции: «Хочу всё знать!», «Защитники Отечества», «Салют, Победа!». Каждая акция представляет собой комплекс мероприятий, где ребята набирают баллы. Вначале это их мотивирует, так как в результате их ждёт поощрение, ну а в процессе они уже заинтересовываются содержанием, здесь

успех зависит от мастерства воспитателя, чтобы удерживать загоревшийся огонёк интереса как можно дольше.

Фактор пятый. Военно-патриотическое воспитание. Это выделено из предыдущего фактора, поскольку очень значимо для возвращения мальчишек в рамки закона и нравственности. В Раифе всё это очень серьёзно. Руководят этой работой не кто-нибудь, а полковник Г.А. Прошин и офицеры кадетского корпуса «Витязь», воевавшие в горячих точках (Афганистан, Карабах, Чечня и др.), каждый из которых не просто герой, а легенда, вызывающая у парней самые возвышенные чувства.

В Раифе потрясающие военно-исторический музей спецучилища, хорошо оснащённая полоса препятствий, ребята с удовольствием и упорством занимаются спортом, работают на тренажёрах, отрабатывают строевой шаг, имеют специальную парадную форму, которой дорожат, участвуют в показательных военно-спортивных шоу, в экспедициях по поиску без вести пропавших солдат, в параде Победы в Казани, в Марше памяти, выходят на марш-броски, прыгают с парашютом, выезжают на стрельбы и военно-полевые сборы. И всё это на основе серьёзной интеллектуальной и духовной работы над понятиями «Родина», «Отечество», где раскрывается несовместимость патриотизма и нарушения законов, нравственных норм.

Фактор шестой. Профессиональное обучение. Тут всё как в хорошем техникуме или колледже. Ребята могут получить профессии мастера по дереву, слесаря, маляра, штукатура, повара. Кадры квалифицированные (руководитель С.В. Обухов — кандидат педагогических наук). Цель профобучения сформулирована предельно чётко и грамотно: выпускник должен обеспечить себе честную трудовую жизнь на свободе.

Методист профобучения Е.Г. Мангушева представила очень интересный по содержанию отчёт о работе, в мастерских полно изделий воспитанников, которые вызывают восхищение. Не будем забывать, что чувство достоинства возникает у человека, когда он становится мастером в каком-то деле. И хотелось бы прямо сказать, что с профобучением всё в порядке,

но..., как это признают сами сотрудники, на уровне XX века, а сейчас XXI.

Необходимо конвейерное производство, станки с программным управлением, на что просто не хватает финансовых средств. В Раифе понимают, что только производственный труд быстро создаёт то ценное, что называют сейчас человеческим капиталом. И тут никакие частные методические новшества и никакое разнообразие мероприятий не помогут. Наряду с профобучением нужно иметь хоть маленькое, но современное производство, где работают все воспитанники.

Школа: постоянный поиск мотивов и стимулов для глубоко демотивированных учеников

На месте и с пристрастием я изучал собственно образовательный процесс (поскольку мне это близко). О нём в Раифе можно написать отдельную интересную статью. Приведу несколько фрагментов из бесед с руководителем этого структурного подразделения Е.Г. Филипповой — фрагментов, наиболее интересных и полезных для учителей всех школ России, где учатся обычные дети:

— Главное для образовательного процесса школы в закрытом учреждении, где учатся дети с поведенческими отклонениями, — это вера в возможность их перевоспитания и терпение, которые нужно постоянно поддерживать. Учителя же, как и все мы, — обычные люди, временами могут падать духом, срывать себя и даже отчаиваться. Моя постоянная задача — вовремя отслеживать эти явления и выводить людей из этого состояния, каким бы дурным и невозможным ни был характер воспитанника, его провокации, злоба на весь мир. Здесь могут работать только люди терпеливые и сильные духом;

— Разговаривала с воспитанниками, у кого наиболее тяжёлый характер. Видя

молитвенник на тумбочках у кровати, спросила, о чём они просят Бога, в какой помощи нуждаются, и поняла: они молят нас — педагогов — о понимании, о терпении, о прощении;

— Самое главное и самое трудное в работе наших учителей — это поиск способов мотивации и стимулирования воспитанников к учёбе. Ведь многие скорее пойдут отбывать наказание на «вахту», чем откроют тетрадь на уроке, чтобы что-то записать;

Поскольку у детей, которых учим, сильны склонности к лидерству, мы активно используем этот фактор. Знаковым событием в жизни школы стала Неделя книги. Учителя придумали девиз акции: «Те, кто читает книги сегодня, завтра будут управлять теми, кто их не читает». Надо было видеть, как мальчишки ринулись набирать баллы, которые можно было получить за чтение (по разработанной системе критериев оценки). (Ответственно утверждаю, что методические разработки вышеназванных внеурочных мероприятий педагогически очень творческие и потому с пользой могут быть заимствованы любыми школами страны — М.П.);

— Особую трудность представляет поиск способов мотивации на каждом уроке, и тут без знания педагогической и психологической науки никак. Как руководитель, я занимаюсь научно-методическим обеспечением образовательного процесса (книги, журналы, статьи для педагогов), чётко требую от учителей (которых очень уважаю) использования только оптимальных (наилучших для конкретного ученика) методов обучения с доминированием методов мотивации и стимулирования учебной деятельности, которыми свободно владеет только высокопрофессиональный учитель: речь идёт о стимулировании мотивов и долга, и особенно мотивов интереса, использующих такие факторы, как неожиданность, парадоксальность, занимательность, создание проблемных ситуаций, удивления, новизны, успеха, соревновательности, учебные игры, театрализация урока, оказание помощи детям

в раскрытии для себя личностного смысла и ценностных основ содержания учебного материала и, конечно же, мотивация силой и глубиной личности. А поскольку уроки идут ежедневно круглый год, то и поле для работы учителя по мотивации всегда нуждается в том, чтобы его пахали и перепаживали постоянно;

— Будучи в здании школы, я оказался свидетелем такой консультации Елены Григорьевны молодому учителю (анализировали ситуацию на уроке): «Вы ни в одной книге по педагогике не найдёте точного указания на то, какой метод в какой ситуации более эффективен, чем другие. Особенно с нашими непростыми воспитанниками. Особенно если это связано с жёстким требованием, отрицательной оценкой, осуждением. Одному Ваше требование — по барабану, другому — стимул, третьему — оскорбление, унижение и потому невыносимая боль, четвёртому — ненависть и месть. Только всестороннее знание и понимание ученика поможет Вам найти нужный метод». Вы, многоуважаемый читатель, видели руководителей школ, которые бы так диалектично понимали педагогику? Совершенно очевидно, что Елена Григорьевна — грамотный и высокопрофессиональный педагог.

Кроме этого, она ведь ещё и администратор в структурном подразделении. Всего за год ей удалось провести ревизию документации школы, привести в порядок локальные акты, систематизировать школьное делопроизводство, принять необходимые новые локальные акты, наличия которых требует закон, выдержать сложную проверку обнадзора и пройти её с минимальными нарушениями (в аттестат не выставлялась отметка по природоведению, оставление на 2-й год обучения без повторной промежуточной аттестации).

И последнее о Елене Григорьевне Филипповой: **это именно она позвонила мне и рассказала об уникальном опыте Раифы, убедила приехать и вместе с директором учреждения организовала мой**

визит. Без её инициативы не было бы этой статьи, и педагоги российских школ не узнали бы, что такое раифское чудо.

Не служба, а служение

Сотрудники Раифского специального образовательного учреждения — 112 человек, половина из которых — педагогические работники (учителя, воспитатели, педагоги дополнительного образования, мастера производственного обучения). По мнению руководителя школы Е.Г. Филипповой, все они люди ответственные, смиренные труженики, творческие, многое повидавшие и пережившие, опытные, скромные, надёжные, строгие и мудрые, с непогасшим огнём в глазах. Вся их профессиональная жизнь связана с училищем. Для них воспитанники — как собственные дети.

Поскольку каждый парнишка со сложной судьбой и обидами (кто на родителей, кто на учителей, кто на всех взрослых), индивидуальный подход здесь по умолчанию неизбежен. Хочешь — не хочешь, можешь — не можешь, учить по-другому не получится. *Поурочный план один для всех здесь не работает.* Если учесть, что у каждого ученика свой уровень обученности и обучаемости, крутой нрав, можно представить, насколько подготовка к уроку здесь сложнее, чем в обычной школе. Всё это отягощается тем, что воспитанники поступают в школу и уходят из неё в течение всего года. У одних срок наказания по решению суда заканчивается среди учебного года, у других начинается. Некоторые дети продлевают срок (очень обременительная процедура), чтобы закончить класс здесь или сдать выпускные экзамены. Суды назначают сроки пребывания, не учитывая периодов учебного года. Часто срок завершается в мае — это очень неудобно, так как заканчивать год им приходится в другой школе по месту жительства.

Особенность рабочего графика учителей такова, что и в каникулы не расслабишься, как в обычной школе. В многодневные праздничные дни учителя могут отдохнуть один или два дня. Это всё (имеются в виду новогодние праздники, майские...). В перемену учителю тоже не отдохнуть, нужно вести класс к другому учителю или на перерыв, или в столовую, со-

брать ручки, тетради и учебники (всё раздаётся в классе).

Поскольку старший отряд должен быть отделён от младшего, все учителя работают в две смены. Они очень загружены, по 30 уроков в неделю. Зарплата всего от 27 тысяч до 33 тысяч рублей (это с учётом 20% надбавки за работу со спецконтингентом), что втрое меньше, чем зарплата московских, ямало-ненецких, ханты-мансийских учителей.

Теперь мы должны обосновать и объяснить заголовок раздела.

Когда мы спрашиваем учителей обычных школ, лицеев, гимназий, как им работается, то обычно слышим: «Работать в школе стало невыносимо — справки, отчёты, мониторинги, электронные журналы». «А дети-то как?» — спрашиваю я. «А что дети? Дети учатся», — слышу в ответ.

Спецучреждение — часть системы общего образования, и поэтому в нём тот же вал бумаг, но только ученики тут особые — изуродованные жизнью, совершившие преступление. И таких на каждом уроке не один-два, а все.

Когда пацаны по решению суда за совершённые преступления (никогда не будем забывать об этом!) поступают в Раифу, то опытным работникам учреждения сразу видно: на этого можно положиться, не подведёт, этот безотказный, этот трудолюбивый, этот попал случайно, он нормальный (от него просто избавились). Но степень девиантности (общественной опасности содеянного) у всех разная. Встречаются и такие: этот — сформировавшийся негодяй, этот — циник, этот — жестокий и агрессивный, этот — грубиян и хам, каких свет не видывал (ты ему «Запиши тему урока», а он тебе «Да пошла ты... (и на три буквы, и на пять)», этот склонен к моральному унижению товарищей, этот будет пакостить исподтишка,

этот будет стремиться сколотить вокруг себя группу, которая бы ему подчинялась, с этим, как кажется, уже ничего сделать нельзя и нужно принять ситуацию, как она есть. И ни от кого нельзя отречься, избавиться, с каждым придётся работать, несмотря ни на что и вопреки всему.

Есть ещё объективная трудность, которая может быть преодолена только титаническими усилиями учителей (и она преодолевается). Специфика контингента и учреждения определяет приоритет именно воспитательной работы, и учителя это понимают. Но часть уроков из-за постоянных выездов на воспитательные мероприятия пропадает. Поэтому для всех учителей серьёзная проблема: как выполнить учебный план, как подготовить воспитанников к экзаменам ОГЭ-ЕГЭ, и они её решают за счёт тщательной подготовки к урокам, интенсификации процесса обучения.

Думаю, теперь комментарии к заголовку раздела излишни.

Знамя Раифы (могучая пассионария)

Я описал организацию и жизнь детей и педагогов Раифского образовательного чуда. Естественно, у читателей возник вопрос: «А кто же руководит этим уникальным учреждением, кто его сделал таким?»

Кисиль (Головкина) Надежда Петровна, директор — явление уникальное. За 60 лет работы в системе образования России я таких не встречал. Это безусловно мощный и могучий лидер, пассионарная личность и в какой-то степени сумасшествие. Тут каждое слово нужно разъяснять. Ярко выраженный холерик по темпераменту, перфекционистка (человек, во всём стремящийся к совершенству), очень требовательный, вьедливый руководитель.

Вспомним, как у нас происходит назначение руководителей образовательных учреждений. У претендента в первую очередь требуют

диплом о менеджерском (юридическом, экономическом) и в последнюю очередь о педагогическом образовании (последнее по закону вообще не обязательно). Затем аттестаты, дипломы, удостоверения, сертификаты, свидетельства о курсах по... Чем больше всего этого барахла — тем вероятность быстрого назначения выше. По сути — это замена образованности дипломированностью.

Но вот что удивительно: когда работаешь с аудиторией директоров, имеющих все эти якобы подтверждения профессиональной компетентности, то поражаешься тем духом усталости, безразличия, пассивности, отсутствия веры в то, что они могут что-то изменить, а у некоторых и озлобленности, исходящих от этих добросовестных и измученных чиновниками и надзорниками людей. Ни острых (и вообще никаких) вопросов, никакого сопротивления чиновничьей глупости, полная покорность. Начинаешь изучать стиль и опыт их работы, то от очень многих остаётся впечатление, которое я называю «тусклые души». Конечно, они добросовестны, но их добросовестность какая-то ущербная.

У Надежды Петровны все эти дипломы, сертификаты есть, и, ответственно утверждаю, все они не имеют никакого значения, ибо она, как названо в заголовке, — могучая пассионария, Знамя Раифы.

Разумеется, она прежде всего лидер. Это означает — духоподъёмная личность, увлекающая и ведущая за собой людей и берущая на себя ответственность за всё, что происходит в возглавляемом ею очень сложном образовательном учреждении.

Надежда Петровна — харизматичный руководитель, то есть одарённый особыми качествами. Харизма — это непостижимый дар от Бога, исключительная способность оказывать мощное влияние на людей своей личностью, взывать не только к умам, но и к сердцам, что присуще немногим.

Надежда Петровна — могучая пассионария (от фр. *passion* — страсть, страстность), человек, наделённый огромной внутренней энергией, которую он передаёт людям, «это мотор, который всё двигает» (определение Л. Гумилева). У неё всегда состояние повышенного стремления к действию, способность к сверхнапряжённости и жертвенности ради достижения цели.

Отличительная черта директора Раифы — это в какой-то мере сумасшествие, имея в виду её бесшабашную смелость, бесстрашие и отвагу, на которые бы никто другой не решился. Когда-то она боролась с федеральной властью против названий «тюрьма», «колония», теперь ей претит слово «закрытое». Надежда Петровна всячески пытается приучить детей к ответственности и доверию, а для этого нужен режим открытого учреждения. Поэтому в Раифе ребят возят за пределы училища чаще, чем в лучших школах столиц и областных центров.

Перед каждым мероприятием отдельный разговор с каждым: «Если ты не уверен в себе, лучше останься. Ничего предосудительного в этом нет». А ночью (когда никто не видит) Надежда Петровна... молится о том, чтобы никто не совершил побег, ибо это — ЧП, в результате которого беглец проваливается в преисподнюю (туда, откуда пришёл), а она с позором лишается работы. Поиск и возвращение беглеца — это очень тяжёлое для сотрудников дело.

Многие её коллеги-директора считают это сумасшествием, безрассудством, поскольку тут явное нарушение устава учреждения, огромный риск. Но только доверием можно вернуть оступившегося мальчишку к нормальной жизни.

Ответственно заявляю: ни в одном образовательном учреждении России (включая лучшие гимназии, лицеи, центры) я не видел такого безупречного порядка, чистоты, эстетики, красоты во всём и такого мощного воспитательного воздействия на детей и взрослых. Надежда Петровна вникает во все детали и даже мелочи сама; всё, что происходит, — под её неусыпным контролем. Даже находясь в отпуске где-то на море с внуком, руководители всех структурных подразделений утром и вечером по мобильной связи сообщают ей обо всём, что произошло. И тут иначе нельзя, ибо ни на минуту

недопустимо забывать о специфике детей, которые имеют опыт совершения преступлений.

У неё всегда масса идей, и она их лихо (с удалю, смело, решительно, задорно) воплощает в жизнь, даже если вокруг в них никто не верит.

Нужно отдать должное этому руководителю: её идеи, инициативы основаны на хорошем общекультурном фундаменте: все работники Раифы прочитали много книг о работе с детьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию, в том числе и шедевр мировой классики — роман В. Гюго «Отверженные», где судьба и жизнь Жана Вальжана — это копия судеб любого воспитанника спецучреждения.

Она не только через учителей, воспитателей, тренеров, наставников, но и лично много делает для детей, искренне принимает участие в их судьбе.

То, что на параде в Казани в День Победы торжественным строем проходит и «коробка» Раифского училища, — заслуга Надежды Петровны. Ей многократно и на всех уровнях власти приходилось до хрипоты, до крика и слёз доказывать тупым чиновникам, что правонарушители (в прошлом) могут участвовать в параде, поскольку они на пути к полному возрождению. И хотя параду предшествуют многодневные изнурительные репетиции, мальчишки очень ответственно к ним относятся («Вы бы видели, какие у них лица!» — слова директора), после парада постоянно смотрят строй по видеозаписи, очень гордятся своим участием и становятся (простите за пафос) просветлёнными (а как в песне поётся «Кто светел — тот и свят»).

Из-за идиотского названия учреждения выпускников училища бездушные чиновники стараются не брать в армию, в военные училища и другие учебные заведения. И в каждом случае Надежда

Петровна доходит до губернаторов и министров, но добивается, чтобы её выпускников приняли. А ведь это всё не мирные светские беседы с реверансами, а настоящий бой, борьба за судьбу, светлое будущее когда-то оступившегося ребёнка.

Дети её очень уважают, очень боятся и очень любят. Ну, скажите, читатель, кто из вас заслужил такую любовь детей и такую святость, если бывший выпускник, студент вуза (в Питере!) привёз в училище будущую жену, чтобы получить благословение у ставших ему родными педагогов и лично от директора. Многие приглашают Надежду Петровну на свой выпускной, на свадьбу.

Один раз в четверть она проводит директорский час «Как живёшь, Раифа?», к которому все дети готовятся очень серьёзно, приходят в актовый зал в белоснежных рубашках и галстуках. Здесь каждое отделение и лично воспитанник даёт отчёт о житье-бытье, личностном росте за предшествующий период. Чему научился, что хорошего сделал, каковы успехи, какие ошибки совершил. Что понял, над чем нужно работать в будущем. Говорят сами дети и педтреугольник (классный руководитель, воспитатель, мастер производственного обучения — они совместно строят свою работу с классом) о каждом воспитаннике. Всё это может сопровождаться видео- и фоторядом, награждением, яркими выступлениями и комментариями директора. Это мероприятие строже, торжественней и значимей, чем ОГЭ-ЕГЭ под видеокамерами и при надзирателях в обычной школе.

Но самое важное в Надежде Петровне то, что для детей, оступившихся в жизни (не будем забывать, что все они попали в Раифу со dna общества), она делает всё возможное и невозможное, чтобы возродить их души, чтобы они больше никогда не опустились до преступления, чтобы они несли людям только свет.

Надежда Петровна — гордый человек, перед чиновниками и проверяющими, надзорниками

не прогибается и шапку ломать не будет, она от природы мудра и умна и никому не позволяет неуважительно говорить о своём детище. Для подтверждения — такой факт. На одной конференции руководителей лучших школ России какие-то неумные директрисы гимназий и лицеев хвастались учебными достижениями учреждений (разумеется, умолчав о массовом репетиторстве), хоть и косвенно, но небрежно и высокомерно отозвались о других учреждениях (сославшись, что для поступления к ним нужно выдержать невероятный конкурс, пройти тщательный отбор — что понятно — и что ежегодное избавление от тех, кто не тянет, позволяет им...). Надежда Петровна, представившись (чем поначалу вызвала снисходительно-презрительные усмешки некоторых), справедливо заметила: «Ну, не Ваши же стобалльники в случае необходимости бросят занятия с репетиторами и первыми пойдут Родину защищать». В зале воцарилась гнетущая тишина, многие стыдливо опустили глаза и, как говорят, заткнулись.

И последнее. Несмотря на все административные заботы, которых тьма, натура директора Раифы ни на минуту не даёт ей забыть, что она педагог. На торжестве «Последний звонок», который проходил на плацу, звучали не набившие оскомину традиционные слезливые песни о школе, а классический вальс Г. Свиридова к повести А.С. Пушкина «Метель» с его драматизмом и возвышенностью (это музыка о жизни выпускников до и после). Одинадцатиклассники (вчерашние преступники) в парадных костюмах вышли на вальс с молодыми дамами (сотрудники бухгалтерии, спецчасти и др. в вечерних элегантных платьях). Надежда Петровна тут же абсолютно естественно сошла с трибуны и, по очереди поменявшись местами с дамами, протанцевала несколько туров с каждым из выпускников, шепча на ухо что-то важное для его будущей жизни. Когда выпускники-вокалисты выходили в центр плаца и в радиомикрофон пели на русском и английском современные молодёжные

песни, Надежда Петровна также в микрофон пела с трибуны те же песни. Она радовалась им, жила их жизнью.

Даже когда она просто идёт по училищу, а на встречу ей строем воспитанники, она успевает одним улыбнуться, другим — что-то хорошее сказать, до третьих просто дотронуться. На праздник последнего звонка директор Раифы пригласила морских офицеров (включая даже — Вы не поверите — командиров(!) боевых кораблей — капитанов второго и первого рангов) аж из... Севастополя — красавцев в парадной морской форме с тем, чтобы выпускники хотели быть такими же. Это всё те педагогические значимые не мелочи, которые служат факторами перерождения вчерашних озлобленных зверенышей в благородных молодых людей.

Но, пожалуй, самое главное в этой женщине — её кредо: «Мои мальчишки не преступники. Они — недолюбленные. Потому я не устаю напоминать сотрудникам, что мы работаем (нет — живём) среди детского горя и что там, где любовь, там разрушается ад». (Это из её письма ко мне).

Одна не очень умная тётка (из чиновниц, видимо), глядя на выпускников, неуместно изрекла: «И всё-таки каждый из них совершил преступление». Надежда Петровна тут же отреагировала: «Каждый взрослый имеет право на ошибку в жизни. И не на одну. А это — дети! И они должны иметь возможность для её исправления».

О результатах. Среди выпускников Раифского воспитательного учреждения самый низкий в стране процент рецидива среди 19 подобных учреждений (1–2 случая против 50% у других). Как говорят, почувствуйте разницу.

Чёрная метка: за что я ненавижу чиновников?

Мне часто задают вопрос, содержащийся в названии раздела. После пребывания в Раифе у меня появился ещё один убийственный неотразимый аргумент для ненависти.

Официальное название федерального государственного профессионального образова-

тельного учреждения «Раифское специальное учебно-воспитательное учреждение для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением закрытого типа».

Чиновники, которые сформулировали, утвердили и приняли это как составную часть Федерального закона «Об образовании в РФ» (ФЗ 273), — люди, как минимум: а) неумные; б) плохие управленцы; в) бездушные. Рассмотрим только один аспект б). Грамотные управленцы всегда прогнозируют последствия решений и только после этого утверждают их как приемлемые или даже оптимальные.

Потенциальный кандидат на направление в вышеназванное учреждение должен получить путёвку в Министерстве образования (теперь — просвещения) в это учреждение. Как Вы думаете, уважаемый читатель, с какими чувствами этот ребёнок отправится туда, прочитав официальное название учреждения? Ответ очевиден: со страхом, ненавистью, ощущением публичной униженности и позора, обидой на всех взрослых (родителей, учителей, полицейских, судей), которые отправили его туда.

Название, как проклятье, как клеймо, как чёрная метка... После протестов, которые длятся уже несколько лет (вопрос начал пересматриваться ещё при министре Д.В. Ливанове), в выпускных документах (аттестатах об основном общем или среднем общем образовании) перестали указывать полное название, оставив только слово «специальное». Но и этого оказалось достаточно, чтобы кадровики в военкоматах, приёмных комиссиях техникумов, училищ, колледжей, вузов отказывали выпускникам Раифы (и аналогичных учреждений) не то что в зачислении, но даже в приёме документов. Это и обрекает исправившихся или бороться за продолжение образования (слава богу, руководство Раифы помогает выпускникам в этой борьбе), или вернуться снова на дно жизни.

Тут та же ситуация, как и с рецидивной преступностью взрослых: человек отбыл наказание, решил, как говорят, завязать с прошлым, хочет начать новую жизнь, устроиться на работу, вакансии есть, но его не берут, и он от обиды, от бесправия, от несправедливости и безысходности возвращается к прежней преступной жизни. А если это ситуация с ребёнком, а если руководство спецучреждения не поможет, не будет бороться или не победит беззаконие, бездушие?

А теперь представьте, сколько подписей чиновников разных министерств, прокуроров, членов правительства, депутатов Государственной думы (они же голосуют), принимая законы с мерзейшими формулировками, которые калечат едва окрепшие души, сколько людей, наделённых властью, создали эту античеловеческую ситуацию, получая при этом, как говорят, весьма нехилую зарплату за скверно выполненную, приносящую вред и горе людям работу.

Сейчас (спустя много лет обсуждений) Госдума снисходительно согласилась внести поправки в Закон об образовании, чтобы убрать в названии неприемлемые слова (девиантное, общественно опасное, закрытого типа), оставив относительно нейтральное «специальное», которое всё равно вызывает подозрение.

И депутаты не спешат: пока прошло только первое чтение, потом второе, третье, потом... А ведь речь идёт о судьбе детей! И кто знает, как она повернётся из-за мерзкого формализма чиновников, депутатов. Они черствы, поскольку речь идёт не об их детях и внуках, а о чужих для них.

По ком звонит колокол

Местечко Раифа знаменито своим монастырем — центром православия в Татарстане и в окрестных территориях. Там находятся чудотворные иконы, и туда круглый год едут паломники со всей страны и из-за рубежа, чтобы поклониться святым образам. Когда-то детская колония находилась в соборе, а сей-

час у неё свои здания, отделённые от монастыря забором. Но жизнь воспитательного учреждения связана с монастырем и исторически, а сейчас и духовно. Я жил в гостинице для паломников и ежедневно утром и вечером слышал звон колокола Раифского монастыря. Звук мощный и достаточно грозный, драматичный и потому символический.

Кроме своего религиозного предназначения, этот звон — напоминание людям, из-за которых ребята школьного возраста попали в специальное режимное учреждение.

Хочу надеяться, прочитавшие эту статью руководители школ и учителя найдут способ рассказать родителям о непростой судьбе детей, которые по вине безответственных взрослых (родителей, работников полиции, социальных служб, педагогов и др.) оказались в тяжелейшей ситуации и, по сути, вынужденно совершили преступление.

Звон Раифского колокола — это и напоминание тем школьным учителям, кто не справился с обучением и воспитанием детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, кто не захотел возиться с ребятами, которые по вине взрослых создавали им проблемы. А некоторые педагоги просто предали этих детей, отреклись от них, отказались их спасти (а могли бы), переложив эту работу на плечи скромных тружеников спецучреждения, которые возвращают этих в прошлом несчастных мальчишек к нормальной жизни.

И, возможно, кто-то из постоянно уверенных в правоте школьных педагогов найдут способ поблагодарить тружеников Раифы и всех спецучреждений страны за то, что они терпеливо исправляют брак тех, кто может работать только с послушными, — теми, кто хочет и может хорошо учиться, обаятелен, уважителен — в общем, когда ребёнок, как говорят, белый и пушистый. «Недорого стоит такой профессионализм, в нём совести мало» — вот о чём говорит звон колокола Раифского монастыря.

А тем, кто обиделся на эти слова, пусть руководители напомнят, что среди педагогов любой школы всегда есть те, кто, ничего не принимая к сердцу, не любя детей и свою работу, обучая на автопилоте, спокойно переживут перевод любого ребёнка в спецучреждение закрытого типа. Для них первичен предмет, а не ребёнок. После уроков они не заморачиваются мыслями о прожитом с детьми дне, их главные интересы вне работы. И ночью они спят спокойно, их не мучает совесть. У таких не бывает профессионального выгорания, они могут работать по 40 лет и более. И колокол Раифского монастыря, возможно, их не разбудит. Но...

Есть такое (взятое из жизни) явление — «Праведное возмездие»...

* * *

Название статьи «Остров мерцающей надежды» было предложено одним из рецензентов — священником, настоятелем прихода храма Архангела Михаила, х. Алексиковский Новониколаевского района Волгоградской области; руководителем отдела религиозного образования Урюпинской епархии; доцентом кафедры теории, методики и организации социально-культурной деятельности Волгоградской государственной академии последипломного образования; заместителем директора по научно-методической работе школы № 2 Новониколаевского района, кандидатом педагогических наук К.В. Зелинским. Мы попросили о. Константина объяснить предложение:

«Название отражает суть жизни Раифской школы. Спросим себя: разве она не остров? Несомненно, остров. Ведь отделена от основ-

ной земли. Так и эти ребята, преданные людьми, живут в пространстве, оторванном от большой земли, живут на своеобразном острове. Казалось бы, на что им надеяться? Если уж на большой земле все надежды рухнули, все мечты погасли, что говорить об острове.

Но встречаясь на этом острове с Людьми, с Педагогами, Подвижниками, а каждый работник Раифы — подвижник, они, мальчишки, вдруг обретают надежду — «Всё будет хорошо». Надежда сияет и светит, даёт силы, призывает верить, что наладится их жизнь. Однако в какие-то моменты собственная тьма (память о прошлом: о предательстве родителей, учителей, о суде, о воображаемых наручниках при этапировании, ошибки, страсти, тяжёлые сны) заглушает и гасит надежду — «Да кому я на этой земле нужен, ничего у меня не выйдет» — и уже не видно её света. Внутри остаются горечь, злоба, непонимание, протест против несправедливой судьбы, презрение, ненависть к предателям. И как педагогу с этим справиться?

Вновь и вновь трудиться и посредством любви вновь зажигать мечту и рождать надежду. Так и мерцает она: то вспыхнет ярким светом, то гаснет, то вновь засияет, то опять подавляется. А работники Раифы умеют зажигать в душе свечу надежды, реализовывать мечты, дарить свет». **НО**

A School, Where Every Student Is Fought For (An Island Of Glistening Hope)

Mark M. Potashnik, full member (academician) Russian Education Academy, Professor, doctor of pedagogical Sciences, Moscow, e-mail: mark.potashnik@mail.ru

Abstract. This article considers the experience of a special closed educational institution in Raifa, a city near Kazan. This facility is designed for students with deviant (dangerous for the public) behavior. Boys, ages 11 to 18, are usually directed here by a court decision after committing a crime, typically for periods of time from several months to three years. However this «sentence» is not considered a conviction due to the age of the criminals not being high enough for a criminal liability. At the end of the sentence, they have two options: to serve in the army, or to apply for a higher level of education in a university or a college of their choice.

Keywords: correctional Institution, restriction of freedom, mangled fates, factors of reeducation, motives for demotivated children, service to children, charismatic supervisor Island of hope.